

ARSENIY TARKOVSKY

ПОЕМС
СТИХИ

СТ

POEMS

А. Тарковский. 1950-е годы.

ARSENIY TARKOVSKY

ARSENIY TARKOVSKY

POEMS
СТИХИ

TRANSLATED BY
PETER NORMAN

POETS AND PAINTERS PRESS
LONDON 1998

TO
Marina

ARSENIY TARKOVSKY
(1907—1989)

When I first met Arseniy Tarkovsky in Moscow in the fifties I was deeply impressed by his personality, and by the beauty, depth and wisdom of his poetry.

I hope that this slim volume of his poems in my translation will give pleasure to the English reader.

Peter Norman

* * *

Я так давно родился,
Что слышу иногда,
Как надо мной проходит
Студеная вода.
А я лежу на дне речном,
И если песню петь —
С травы начнем, песку зачерпнем
И губ не разомкнем.

Я так давно родился,
Что говорить не могу,
И город мне приснился
На каменном берегу.
А я лежу на дне речном
И вижу из воды
Далекий свет, высокий дом,
Зеленый луч звезды.

Я так давно родился,
Что если ты придешь
И руку положишь мне на глаза,
То это будет ложь,
А я тебя удержать не могу,
И если ты уйдешь
И я за тобой не пойду, как слепой,
То это будет ложь.

1938

* * *

I was born so long ago
That every now and then
I hear the sound of freezing water
Passing over me,
But I am lying on the river-floor
And if one is to sing a song
Let us start with grass,
Scoop up some sand,
And seal our lips.

I was born so long ago
That I cannot talk
And on the stone-strewn shore
In a dream I saw a city
But I am lying on the river-floor
And through the water I can see
A tall house and a far-off light
And the green ray of a star.

I was born so long ago
That if you were to come
And place your hand upon my eyes,
It would not be true,
But I cannot hold you back,
And if you were to go away
And I did not blindly follow you,
It would not be true.

1938

ИВАНОВА ИВА

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,

Как белая лодка, плывет по ручью.

1958

THE WILLOW OF IVAN

Before the war Ivan would walk by a stream,
Where a willow-tree grew — no one knew whose.

Nobody knew why it leaned over the stream,
But that was the willow of Ivan.

In his cape-tent, butchered in battle,
Ivan returned to the foot of his willow.

The willow of Ivan,
The willow of Ivan,

Like a white ship, is floating downstream.

1958

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной, —

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках,

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окrestный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно: от всего живого
Я принял только свет и звук, —
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

1965

BEFORE POETRY

When, still half-wakened, the body
Burned my soul and onwards
Fate flew like a fire before me,
A bush burning in the wilderness, —

From nowhere came the sound of flutes
And in my ears fanfares rang
And on the violin bows the net
Of earth's miracle sang,

And in each colour, in each sound
By a thousand rainbows and tunes
The surrounding world stood crowned
Amidst its seas and towns.

Yet strange; from all that was alive,
I took only light and sound, —
As yet the future not a word
Had let fall into this round...

1965

* * *

Oh, if only half to rise, come to, wake up, and
At the most burdensome hour bless the toil
Which watered the meadows and fed the gardens,
And for the last time swallow from a concave dish
The crystal marrow of water from the downy leaf.

Give me but one drop, oh my earthly grass, give me
In exchange an oath — to take as inheritance my speech,
To open wide the throat, not to spare one's blood,
Without remembering me, and breaking up my words,
Inflame the dried up mouth with my burning fire.

1965

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради
Правды — вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще поклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

1965

LATE MATURITY

Was it not the fate of my late maturity
That, heart in mouth, I should bemoan
The mellowness of September in every word,
The weight of the apple, the flesh of the wild rose.

The smoke of the powder, drifting over the clearing,
The dryness of the bilberry field, and for the sake
Of the truth — to return to my poetry, of which
There remained but blots in my notebook.

All that was gathered was folded in baskets,
And a cart rumbled by on the bridge.
Grant me once more to lean over the top,
Grant me to last to the first of the snows.

1965

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, —
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

THE POET

There lived on earth a humble knight...

This little book a poet
Gave me in the corridors
Of Gosizdat.
The book was torn and tattered,
The poet long since dead.

It was said that in his visage
There was something of a bird
And of Egypt — so they said.
He had a beggar's greatness,
And his honour was assailed.

How he feared the space
Of corridors! The importunity
Of creditors! And in a burst
Of affectation would see fit
To take his fee as though it were a gift.

Thus, a clown of ancient vintage
In a bowler hat, half-drunk
Bows and crawls about the stage.
But like a sober man he hides a wound
Beneath his piqué waist-coat.

With double rhyme befeathered,
His present exploit ended, —
Fare thee well, oh fare thee well!
Welcome holiday and pay,
Loaf of bread, both black and white!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

1963

With convex words he played around,
His bird-like beak would smile,
On those he met he fixed his grasp,
Of loneliness he was afraid
And poems he would read to strangers.

Thus a poet ought to live.
I myself flit through the world,
And loneliness I dread.
How many times in loneliness
I take this book to read.

Few descriptions in his verses,
Only chaos at the station,
And theatre agitation,
Only people in confusion,
Market, queues and — prison.

Life, it seems, had been deceiving,
Fate had woven fairy-stories.

1963

* In memory of the great Russian poet Osip Mandelshtam who perished
in one of Stalin's concentration camps.

* * *

Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина,
Поешь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина,
Как трубы ангелов над городом поют,
И только горечью своей неисцелимой
Наш хлеб отравленный возьмешь

на Страшный суд,

Как брали прах родной у стен Иерусалима
Изгнанники, когда псалмы слагал Давид
И враг шатры свои раскинул на Сионе.
А у меня в ушах твой смертный зов стоит,
За черным облаком твое крыло горит
Огнем пророческим на диком небосклоне.

1946

* Самоубийство поэта Марины Цветаевой.

* * *

I hear you, I do not sleep, you call me, Marina,
You sing to me, Marina, threatening with your wing,
Marina,
As over the town trumpets of angels sing,
And only with your unassuageable bitterness
You take our poisoned bread to the day of Judgment,
As the exiles took their ashes from the walls of Jerusalem,
When David composed the psalms
And the enemy pitched their tents on the slopes of Zion.
But your death cry rings in my ears,
Beyond a black cloud your wing burns
Like a prophetic fire against a wild horizon.

1946

*Suicide of the great Russian poet Marina Tsvetaeva.

КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сгорел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельней.

Я отброшен тетивой
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

1963

JUST AS TWENTY YEARS AGO

And every man falls dead, and every blade
Of grass is burnt to ashes or trampled under heel.
And yet above the groans and cries, outweighed,
Another death more strong than grief I feel.

Why in the flames of war, like a darting arrow,
Did I not burn? Where lies the end
Of my half-circle? Why hold I like a swift,
Life within my palm? Where now is my best friend,

Wher's my goddess, wher's the righteous angel
of wrath?
Blood is all around me, before me and behind —
Your bloodless death is by a hundred times
More deadly.

The bow of war has flung me far away
From you. I shall not close your eyes.
But what can I say, what can I say?

1963

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевой тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — Боже правый! — ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

FIRST MEETINGS

We celebrated every moment of our meetings,
As if they were God's manifestation and we
Alone in all the world. You were there
Bolder and lighter than a bird's wing,
Running down the stairs, two steps at a time,
Like a whirlwind, through the dank lilac
Led me to your own domain,
The other side of the looking-glass.

When night came on, a grace
Was granted me, the gates of paradise
Were opened and in the darkness
There shone and slowly inclined a nakedness,
Awaking: "Be blessed!" I said,
And knew my blessing was impertinent: you slept,
And the lilac bent towards you from the table,
To touch your eyelids with the blue of heaven,
And your lids kissed with this blueness
Were tranquil and your arm was warm.

And rivers pounded in the crystal,
Mountains misted o'er and seas broke day,
And in your palm you held a crystal sphere
And slept upon a throne.
And — God in Heaven! — you were mine.
You wakened and transformed
The everyday speech of man,
And words surged into my throat
In sonorous strength, and the word 'thou' revealed
Its new sense and signified: Tsar.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дорогое,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

1962

In the world all was transfigured, even
Simple things — like bowl or jug — when
Between us, as though on watch,
Stood many-layered, frozen water.

We were led, one knew not where.
Whole towns, built by some miracle,
Parted before us like a mirage,
And about our feet lay mint,
Birds flew with us on our way
And fish swam up the river
And the heavens were opened before our eyes...

When fate did follow in our footsteps
Like a madman with a razor in his hand.

1962

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ

1

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпираю,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

LIFE, LIFE

1

In premonitions I don't believe, nor
Do I fear omens, nor fly from poison, nor
Calumny. There is no death on earth.
Immortal are we all, immortal everything.
No need to fear one's death at seventeen,
Nor yet at seventy. There's but reality
And light; there is no death, nor darkness in this world.
Already we are all on the sea-shore,
And I am one of those who pull a net,
When immortality comes like a shoal.

2

Live in a house — and the house will not fall.
I shall summon any one of the centuries,
I shall enter it and build my house in it.
That is why your children will sit with me
And your wives at one table, —
There's one table for both forbears and grandsons;
The future is coming to pass right now,
And if I raise my hand a little,
All five rays will remain with you.
Everyday of what has passed, like pit-props,
I bore upon my shoulders,
And measured time with a surveyor's chain
And passed through it, as though through the Urals.

Я век себе по росту подбираю.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стремях.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

1965

I chose the century according to my stature.
Southward we went, raised dust above the steppe;
Tall grasses steamed; a grasshopper frolicked,
With feelers touched the horse-shoes, and prophesied
Like a monk, threatening me with death.
My fate I clamped with straps to my saddle;
And still today, in times that were to come,
I stand up in the stirrups, like a boy.

For me my immortality is enough,
That my blood should flow from age to age.
For the even warmth of a sure haven
I would surely exchange my life,
Whenever its flying needle should lead me
By a thread through the wide world.

1965

* * *

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

1967

* * *

Summer has gone
As if in a dream.
In the sun it was warm.
Only that's not enough.

What could come true,
Like a five-fingered leaf,
Lay right in my hands,
Only that's not enough.

Neither evil nor good
Passed by in vain.
All was bright as a flame,
Only that's not enough.

Life kept me under its wing,
Took care of me, saved me.
I was lucky, indeed.
Only that's not enough.

Leaves were not burned.
Branches not broken...
The day clear as glass,
Only that's not enough.

1967

* * *

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идет вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берет ребенка на колени.

1974

* * *

And this I saw in dreams, and this I see in dreams,
And this again, sometime or other, I shall see in dreams,
And all will be repeated, and all will be made flesh,
And you will dream of all that I have dreamed.

There, aside from us, aside from the world,
Wave follows wave to break against the shore,
And on the wave a star, and a man, and a bird,
And life, and dreams, and death — a wave upon a wave.

I do not need a date: I was, I am, I shall be.
Life is miracle of miracles, and on the knees of the miracle
Alone, like an orphan, I place myself,
Alone, amongst mirrors, in the wall of reflections
Of seas and cities, glowing in the fumes.
In tears the mother takes the child upon her knees.

1974

* * *

Я тень из тех теней, которые, однажды
Испив земной воды, не утолили жажды
И возвращаются на свой кремнистый путь,
Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,
Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
Так я по лестнице взойду на ту ступень,
Где будет ждать меня твоя живая тень.

А если это ложь, а если это сказка,
И если не лицо, а гипсовая маска
Глядит из-под земли на каждого из нас,
Камнями жесткими своих бесслезных глаз?..

1974

* * *

I am a shade of those same shades, whose thirst,
After drinking water, was not slaked,
And who retrace the flinty path,
Disturbing dreams to taste the water of life.

Emerging like the first barque from the bosom of the
ocean,
And the sacrificial urn from the burial mound,
I shall ascend the rungs to the last step,
Where your living shade will be awaiting me.

And what if that's a lie, a fairy tale,
And if no face, but some plaster-mask
Stares up at each of us from underground
With the harsh stones of tearless eyes.

1974

* * *

Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копья;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

1977

* * *

My vision grows dim — it is my strength,
Two diamond spears invisible;
My hearing grows dull, filled with the thunder of old
And the breath of my native home; the
Knots of hard muscles have weakened,
Like oxen grown grey on ploughland;
And no longer shine by night
The two wings behind my shoulders.

I am a candle, I have burned in the feast,
Gather my wax of a morning,
And this page will prompt you
How you should weep and of what be proud,
How the last third of gaiety
You should give away and die with ease,
And beneath the shelter of a chance roof
Blaze up after death like the word.

1977

* * *

В последний месяц осени,
На склоне
Горчайшей жизни,
Исполненный печали,
Я вошел
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт
Молочно-белым
Стеклом тумана.
По седым ветвям
Стекали слезы чистые,
Какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо:
На закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Из дней грядущих в прошлое мое.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

Середина 70-х

* * *

In the last month of autumn,
In the twilight,
Of a most bitter life
I entered
Full of sorrows
A leafless and nameless wood.
A mist of milky-whiteness,
Like a glass,
Enveloped it from edge to edge.
Along the grey branches
Pure tears flowed,
Such as
Only trees weep on the eve
Of winter's blanching.
And lo! A miracle occurred:
In the dusk
Blue sky gleamed forth from a cloud
And, as though in June, a bright ray
From days to come pierced my past.
And the trees wept on the eve
Of great deeds and gay abandonment
Of happy storms swirling up in the azure sky,
And blue tits sang a round dance,
As though hands had touched a keyboard
From the earth to the very highest notes.

Mid 70s

Copyright © Marina Tarkovskaya
English translation © Peter Norman
London 1998

ISBN 1 898923 85 X

Cover drawing by Caryl Topolski

Printing:
Krystyna Bednarczyk
The covers and all colours
were hand printed
Binding:
Marba Bookbinding

Limited edition 200 copies only
50 copies signed by the translator

This is number ¹¹....

Peter Norman

Published by Poets and Painters Press
103 Colindeep Lane, London NW9 6DD England

